

тие «развития», на нём он и гарцует, объясняя нам отличие живого, полнокровного коня от аналогичной детской игровой качалки:

«Центральным понятием философии марксизма как учения о диалектическом процессе, - по мнению академика, - является понятие *всеобщности* (выделено Ойзерманом. – А.Л.) развития. ...Именно развитие понимается как процесс, включающий в себя всякое движение и изменение», - мысль Маркса и Энгельса, с которой Ойзерман не вполне согласен, полагая, что «движение, какова бы ни была [его] форма, само по себе не является развитием» (там же, с. 19). Пусть будет так, но ведь развитие, взятое даже в его всеобщности, само по себе не имеет никакого смысла, если оно берётся *вне и помимо материи* – исконного субъекта-объекта любого движения и развития. Так, оставаясь наедине с понятием развития, мы ни на йоту не приближаемся к пониманию *диалектики*, характеризующей специфику материи вообще и её развития, в частности. А природа диалектики, как мне приходилось уже не раз показывать, напрямую связана с природой *идеальности* материи.

Неразгаданная тайна диалектики порождает у материалиста, с одной стороны, нигилизм по отношению к диалектическим законам, а с другой – меланхолию, признание своей беспомощности в их истолковании. Задумчивый Ойзерман остаётся в плену у этой установки, сочувственно цитируя Энгельса: «С одним знанием того, что ячменный стебель и исчисление бесконечно малых охваты-

вается понятием «отрицание отрицания», я не могу ни успешно выражать ячмень, ни дифференцировать и интегрировать» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 20, с. 146); и, вместе с тем, печально констатирует: «задача дальнейшего развития материалистической диалектики, её обогащение новыми понятиями всё ещё остаётся нерешённой» (Ойзерман Т.И. - «Вопр. филос.», 2000, № 2, с. 30).

Словом, философия опять виновата в том, что «нынче худой урожай ячменя»...

Кстати, Т.И.Ойзерман недавно опубликовал очередную статью под двусмысленным заголовком: «Амбивалентность социалистической (коммунистической) теории марксизма» («Вопр. филос.», 2008, № 11, с. 32-44), в которой лукавым словечком «амбивалентность» (обозначающим *двойственность*, нечто, вызывающее противоположные чувства, например, удовольствия и неудовольствия) фактически пытается осудить марксизм, дерзнувший потрясти мировую историю. Вообще-то каждый специалист в любой отрасли знания неизбежно амбивалентен (или «похож на флюсу» - по остроумному замечанию незабвенного Козьмы Пруtkова). Амбивалентен и бывший марксист Т.И.Ойзерман: вчера он высоко возносил «истинность» марксизма, а сегодня глубоко ищет в этом великом учении всяческие изъяны (а почему бы этому «дерзкому» марксизму – с его более чем полутравековой сложной, драматической, но и славной историей – *и ни иметь их?*).

КВАНТОВАНИЕ, ИЛИ ПРИНЦИП ЗАПРЕТА

А ведь Богу – богово, а кесарю – кесарево. От рождения мы видим процессуальный, а следовательно, *разделённый* мир: точнее было бы сказать, мир *разнообразный*, ибо прежде всего мы постигаем *разность отношений*, т.е. выявляющиеся в процессе различия *одного и другого*. Так, для рождающегося человеческого существа первым (и *всё* определяющим в его последующей жизни) потрясением является процесс *отделения* от материнского чрева.

Плод созревал в имманентном представлении, что он является *частью* чего-то вселенского, единого, но вот неожиданно привычный для него мир рушится: для полуспящего ума привычный уют, нерасторжимость, слитность с плодоносящей средой каким-то непостижимым образом прерываются (что проявляется отторгающими тисками, вспышкой боли, разрывом пуповины), и перед крохотной устрешённой и отрешённой плотью предстаёт мир иной – *разъединённый, пустой и холодный*, в котором пусть пока и неясно, интуитивно угадываются ужасные, смертельные угрозы.

Первое, что мы постигаем от рождения – пустое пространство, которое безжалостно отделяет нас от спасительного материнской защиты и засасывает в какой-то удушающий, голодный омут беспредельности. Тёплая плоть материнского тела и холодная враждебность пространства – такова первоначальная *двойственность* мира, мгновенно постигаемая нами – и, к тому же, постигаемая насильственно, не по нашей воле.

Акт рождения манифестирует собой не что иное, как *разделение*, разделённость и квантованность мира, его расположенность к целевым и целостным разрывам по-

степенности, скачкам, т.е. к существованию *индивидуальному*, при котором всеобщность разделения компенсируется (имитируется) *локальной целостностью*. Самосознающий себя человек наивно полагает, что он целостен и самодостаточен, ибо, прежде всего, он ощущает свою автономность, свою отвлечённость от *других* и от всего *другого*. Настанет миг, и ребёнок отправится в самостоятельный путь, который откроет ему не столько новые пространства и миры, сколько восхитительное *чувство свободы*, т.е. восприятие наличия в нём его собственной торжествующей самости, индивидуальности, независимости от других и от всего другого.

Эта иллюзорность целостности (самодостаточно-сти) будет всю жизнь сопровождать человека – как зло и как благо, суля великие разочарования, душевные страдания и подвигая на активность в поисках новизны и самореализации. Лишь мудрость поставляет нам спасительную мысль о нашей *тотальной зависимости* от других, подобных нам, и от всего *другого*, но эта мудрость оплачивается несвободой, покоем и созерцательностью.

И, тем не менее, нам легче постигнуть именно *разделённость*, а не *целостность* мира. Видя отдельные объекты, находящиеся в своих собственных границах, видя автономные и столь не похожие друг на друга дискретности (цветок и камень, землю и воздух, огонь и воду), мы с трудом преодолеваем горизонт *видимого* и часто не находим доказательств всеобщей связи «всего со всем». Квантуемость сама по себе содержит некий *принцип запрета проницаемости одного в другое*. Неорганическая материя в нашем мире реально не порождает органическую, вишня

не порождает грушу, овца – волка, автомобиль – компьютер. Всё в нашем мире, так или иначе, ограничено, и человек охотнее изобретает и утверждает всё новые и новые границы, чем разрушает их, потому что ограничения тождественны возникновению *новых* дискретностей (и ему кажется, что он *творит* новый мир), тогда как утрата границ представляется ему едва ли не утратой индивидуальности, своей самости, своей свободы творчества.

Между тем, универсум, подобно «Qual» (муке материи, напряжению, жизненному духу) у Якоба Бёме, имманентно жаждет единства, целостности, дабы сохранять свою универсальность. Это неустрашимое противоречие – между индивидуальностью человека и потенциальной целостностью универсума – составляет основу всех коллизий нашего земного существования. Противопоставляя себя природе, человек мистифицирует мир, поскольку сам он – часть природы, назначение которой, быть может, в том и состоит, чтобы, постигая мир в целом, *содержать* его в гармоничной целостности. Человек – не что иное, как “сознающая себя материя”, и ему остаётся только понять, зачем материи вообще понадобилось *смотреть в себя*, как в зеркало, *осознавать себя*, и к чему же это всё, в конце концов, приведёт?

Мироздание заключает в себе *гностический принцип* как тотальность. Это означает, что любая дискретность мира, независимо от её конкретных пространственно-временных величин и состояний, нуждается в некой комплементарности (взаимодополняемости), в некоем *сущностном контакте* с другими дискретностями – либо того же рода, что и она сама, либо противоположного, либо тех

же свойств, либо одной и той же функции, а следовательно, нуждается в родственном духе, в *идеальности* – в *информации*, в знании существенных сущностей этого *другого*. Никакое взаимодействие невозможно без “распознавания” одной дискретностью другой и “осознавания” наличия (или отсутствия) условий для их взаимодействия. При этом взаимодействие нередко ограничивается обменом *информацией* (т.е. всё той же *идеальностью*). Из этого вовсе не следует, что всё заранее предопределено, и что какой-то *катион* не только “ищет” *анион*, но и обязательно с ним встретится. Реально только то, что он *предрасположен* к такой встрече, но сама по себе она зависит от многих случайностей, характеризующих *вероятность* их встречи. Дело в том, что никакая дискретность не существует сама по себе, напротив, она “перемешана” с другими дискретностями, которые, к тому же, пребывают в различных состояниях и процессуальностях; таким образом, любая дискретность (от квантовой частицы до человека) изначально находится в “спутанном” состоянии. Всё это означало бы торжество *разделённости* мира, если бы дискретности были пассивны. Однако разводящее дискретности *квантование* заключает в себе предпосылку *самодвижения*. Став индивидом, дискретность получает степени свободы, которых она была лишена, будучи интегрированной в “ансамбли” (совокупности, множества, социумы и т.п.). При этом решающее значение получает *разномасштабность* дискретностей и их *разнокачественность*, наступающая и постоянно растущая с момента деления, нарушения симметрии, киральности (хиральности) мира (и, соответственно, возникающие при этом разные *классы идеальности*).

ЧТО ТАКОЕ «РАЗДЕЛЁННОСТЬ» И «ЦЕЛОСТНОСТЬ»?

Как будет показано в данной работе, ключевой идеей *общей теории идеальности материи* является *идея соотносительности (сопряжённости) двух родовых интенций универсума*, а именно его нацеленности на *деление (прерывность)* при всё при том, что одновременно он, несомненно, стремится, во что бы то ни стало, сохранить свою *целостность (непрерывность)*. Любопытно, что эта дихотомия тесно связана с многовековыми сражениями друг с другом идей материализма и идеализма. Здесь мне хотелось бы сослаться на работу «О современной форме атомизма» известного российского физика-теоретика М.А.Маркова – специалиста в области квантовой электродинамики, релятивистской теории элементарных частиц и нелокальных теорий поля:

«Существенно подчеркнуть, что атомизм всегда, как правило, находился в арсенале материалистической философии. Для философских схем субъективного идеалистического толка в вопросах естествознания часто была характерна антиатомистическая направленность. Это правда, что идеи непрерывности наряду с атомизмом (т.е. с прерывностью, дискретностью. – А.Л.) играли существенную роль в развитии наших представлений о природе, но идеи непрерывности часто облекались в негативную форму чистого скепсиса.

Ещё недавно Освальд обвинял сторонников атомизма в скудоумии. Объяснять химические явления атомами также глупо, писал знаменитый химик, как объяснять действия паровоза тем, что там спрятана ло-

шадь. Ещё недавно существование электрона для «эмпириокритически» настроенных людей, например Э.Маха, было бы не более убедительно, чем признание существования чертей и ведьм.

Дело, конечно, совсем не в том, что дискретность «материалистична», а непрерывность «идеалистична». Видимо, дело в том, что атомизм создаёт обычно очень конкретные образы, которым естественно придавать объективную реальность. Атомизм всегда был более свойствен действительному, оптимистическому материализму. Идеи непрерывности, связанные часто с критикой материалистического атомизма, дают большой простор для скепсиса и субъективного идеализма вообще.

Но борьба идей дискретности и непрерывности отнюдь не лежит в аспекте борьбы идеализма и материализма. Борьба идей дискретности и непрерывности в физике, очищенной от случайных моментов, смена этих представлений на различных исторических этапах – это естественное противоречие в развитии взглядов на материю, которое отражает своеобразное единство прерывного и непрерывного, *осуществляемое в самой природе* (выделено мной. – А.Л.)» (Марков М.А. Избр. труды. Т. I. – М.: Наука, 2000, с. 410).

К сожалению, дискретность и целостность (прерывность и непрерывность) мира ещё нередко рассматривают в отдельности. Новое миропонимание – миропонимание XXI века – требует *доктринального объединения* этих двух фундаментальных состояний универсума в единой теории, т.е. такого описания мира, которое бы учитывало *одновременность* этих двух родовых интенций универсума.